

По делу о проверке конституционности положений части 9 статьи 3 Федерального закона "О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации" в связи с жалобой гражданина Е.В.Потоцкого

Постановление · № 3-П · от 15.02.2016 · Конституционный Суд Российской Федерации · Действует без изменений

Именем Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности положений части 9 статьи 3 Федерального закона "О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации" в связи с жалобой гражданина Е.В.Потоцкого

город Санкт-Петербург 15 февраля 2016 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, Г.А.Жилина, С.М.Казанцева, М.И.Клеандрова, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева, руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47-1, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности положений части 9 статьи 3 Федерального закона "О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации".

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина Е.В.Потоцкого. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Л.О.Красавчиковой, исследовав представленные документы и иные материалы, включая письменные отзывы полномочного представителя Совета Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации А.И.Александрова и полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М.В.Кротова, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л:

1. В силу части 9 статьи 3 Федерального закона от 7 мая 2013 года N 100-ФЗ "О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации" установленные положениями Гражданского кодекса Российской Федерации (в редакции данного Федерального закона) сроки исковой давности и правила их исчисления применяются к требованиям, сроки предъявления которых были предусмотрены ранее действовавшим законодательством и не истекли до 1 сентября 2013 года. При этом согласно абзацу второму пункта 2 статьи 200 ГК Российской Федерации по обязательствам, срок исполнения которых не определен или определен моментом востребования, срок исковой давности начинает течь со дня предъявления кредитором требования об исполнении обязательства, а если должнику предоставляется срок для исполнения такого требования, исчисление срока исковой давности начинается по окончании срока, предоставляемого для исполнения такого требования; при этом срок исковой давности во всяком случае не может превышать десять лет со дня возникновения

обязательства.

1.1. Решением Центрального районного суда города Тулы от 30 января 2014 года были частично удовлетворены требования гражданина Е.В.Потоцкого о взыскании денежных средств по трем договорам займа, которые были заключены им 14 августа 2000 года, 21 августа 2000 года и 20 ноября 2000 года, а также процентов за пользование чужими денежными средствами и судебных издержек. При этом суд исходил из того, что срок исковой давности по данным требованиям не пропущен и подлежит исчислению с 15 августа 2013 года, т.е. по истечении тридцати дней со дня предъявления Е.В.Потоцким требования о возврате денежных средств по указанным договорам (в которых конкретный срок возврата суммы долга установлен не был).

Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Тульского областного суда от 3 апреля 2014 года решение суда первой инстанции отменено и в удовлетворении требований Е.В.Потоцкого отказано. Как указывалось в определении, срок исковой давности по заявленным требованиям действительно начал течь с 15 августа 2013 года и к моменту вступления в силу Федерального закона "О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации" (1 сентября 2013 года) не истек, однако, вопреки мнению суда первой инстанции, к таким требованиям применяются положения о сроке исковой давности и правила его исчисления, предусмотренные пунктом 2 статьи 200 ГК Российской Федерации в редакции данного Федерального закона, в частности о том, что срок исковой давности по обязательствам, срок исполнения которых не определен или определен моментом востребования, во всяком случае не может превышать десяти лет со дня возникновения обязательства; поскольку же с момента возникновения обязательств по договорам займа, заключенным Е.В.Потоцким в 2000 году, прошло более десяти лет, срок исковой давности по его требованиям истек.

Определением судьи Тульского областного суда от 5 декабря 2014 года в передаче кассационной жалобы Е.В.Потоцкого на апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Тульского областного суда было отказано по тем же основаниям. Судья Верховного Суда Российской Федерации, отказывая в передаче кассационной жалобы Е.В.Потоцкого на данное апелляционное определение для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, также отметил, что на момент предъявления иска срок исковой давности для защиты нарушенного права Е.В.Потоцкого истек (определение от 26 января 2015 года).

1.2. Как следует из статей 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации по жалобе гражданина на нарушение его конституционных прав и свобод проверяет конституционность законоположений, примененных в деле заявителя, рассмотрение которого завершено в суде, и принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, оценивая как буквальный смысл рассматриваемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм.

Нарушение своих прав, гарантированных статьями 8 (часть 1), 17 (часть 3), 18, 19 (часть 1), 35 (часть 1), 46 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, Е.В.Потоцкий усматривает в том, что положения части 9 статьи 3 Федерального закона "О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации" во взаимосвязи с пунктом 2 статьи 200 ГК Российской Федерации, выступая основанием для отказа в удовлетворении искового требования по обязательству, возникшему до вступления в силу названного Федерального закона, не отвечают требованиям соразмерности ограничения прав, приводят к чрезмерному вмешательству в порядок исполнения договорных обязательств, возникших до вступления в силу нового правового регулирования, и препятствуют реализации права на

судебную защиту. Кроме того, заявитель указывает на отсутствие переходного периода, который позволил бы заинтересованным лицам разрешить споры в судебном порядке до введения в действие нового гражданско-правового регулирования.

Соответственно, конституционные права Е.В.Потоцкого затрагиваются оспариваемыми им положениями части 9 статьи 3 Федерального закона "О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации", в то время как сама по себе норма абзаца второго пункта 2 статьи 200 ГК Российской Федерации права заявителя в указанном им аспекте не затрагивает, а потому Конституционный Суд Российской Федерации в настоящем деле воздерживается от оценки ее конституционности, в том числе в части установленного ею десятилетнего срока со дня возникновения обязательства для обращения в суд с целью защиты нарушенных прав по обязательствам, срок исполнения которых не определен или определен моментом востребования, а также ее правовой природы и юридической квалификации. Таким образом, предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу является часть 9 статьи 3 Федерального закона "О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации" в той мере, в какой на ее основании решается вопрос о применении к требованиям, сроки предъявления которых были предусмотрены ранее действовавшим законодательством и не истекли до 1 сентября 2013 года, положения абзаца второго пункта 2 статьи 200 ГК Российской Федерации о том, что срок исковой давности не может превышать десяти лет со дня возникновения обязательств, срок исполнения которых не определен или определен моментом востребования.

2. Согласно Конституции Российской Федерации права и свободы человека и гражданина как высшая ценность являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов и обеспечиваются правосудием; все равны перед законом и судом (статьи 2 и 18; статья 19, часть 1). Право на судебную защиту относится к основным неотчуждаемым правам и одновременно выступает гарантией всех других прав и свобод (статья 46, части 1 и 2, Конституции Российской Федерации).

Раскрывая конституционное содержание права на судебную защиту, Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях указывал, что ограничение данного права не допускается, так как не может служить достижению перечисленных в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации целей (Постановление от 25 июля 2001 года N 12-П); из статьи 46 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 19 (часть 1) и 123 (часть 3), закрепляющими равенство всех перед законом и судом и принцип осуществления судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон, следует, что конституционное право на судебную защиту - это не только право на обращение в суд, но и возможность получения реальной судебной защиты в форме восстановления нарушенных прав и свобод в соответствии с законодательно закрепленными критериями (Постановление от 16 марта 1998 года N 9-П).

Конституция Российской Федерации также устанавливает, что в Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности (статья 8, часть 2), гарантируются неприкосновенность собственности, а также свобода предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности и вытекающая из этого свобода договоров в сфере гражданского оборота (статья 8, часть 1; статья 34, часть 1; статья 35, части 1-3). В силу статей 45 и 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации гарантии государственной защиты распространяются на право собственности независимо от формы собственности; это право подлежит защите всеми способами, не запрещенными законом, причем в качестве универсального способа выступает судебная защита: именно в процессе разрешения судом спора о собственности могут быть наиболее полно гарантированы права всех участников такого спора - как лиц, заявляющих имущественные требования, которые они рассчитывают удовлетворить

посредством судебного решения, имеющего обязательную силу, так и лиц, не согласных с предъявляемыми к ним требованиями.

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 10 декабря 2014 года N 31-П, по смыслу правовых позиций, изложенных в ряде его постановлений, в том числе от 17 декабря 1996 года N 20-П и от 16 мая 2000 года N 8-П, использованным в статье 35 Конституции Российской Федерации понятием "имущество" в его конституционно-правовом смысле охватываются как вещные права, так и права требования; такой подход корреспондирует толкованию этого понятия Европейским Судом по правам человека, которое лежит в основе применения им статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (постановление от 6 марта 2003 года по делу "Ясониене (Jasiuniene) против Литвы" и др.).

Конституционным Судом Российской Федерации также неоднократно исследовался вопрос о гарантиях защиты права собственности и других имущественных прав, а также о сроках реализации права на судебную защиту (постановления от 20 июля 1999 года N 12-П и от 20 июля 2011 года N 20-П; определения от 14 декабря 1999 года N 220-О, от 3 октября 2006 года N 439-О, от 3 ноября 2006 года N 445-О, от 24 июня 2008 года N 364-О-О, от 15 июля 2008 года N 563-О-О, от 5 марта 2009 года N 253-О-О, от 19 мая 2009 года N 596-О-О и от 8 апреля 2010 года N 456-О-О).

При этом Конституционный Суд Российской Федерации пришел к следующим выводам.

Из статей 1 (часть 1), 7 (часть 1), 8, 19 (часть 1), 34 (часть 1), 35 (части 1-3), 45, 46 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации следует, что в демократическом правовом и социальном государстве, каковым является Российская Федерация, правовое регулирование отношений в сфере гражданского оборота должно основываться на принципах равенства всех перед законом и судом, неприкосновенности собственности и свободы договора, соблюдения баланса публичных и частных интересов при определении правового статуса субъектов этих отношений, критериев соразмерности и пропорциональности при установлении условий реализации и возможных ограничений их прав.

Интересы защиты права собственности и стабильности гражданского оборота определяют не только установление судебного контроля за обоснованностью имущественных притязаний одних лиц к другим, но и введение в правовое регулирование норм, которые позволяют одной из сторон блокировать судебное разрешение имущественного спора по существу, если другая сторона обратилась за защитой своих прав спустя значительное время после того, как ей стало известно о том, что ее права оказались нарушенными. В гражданском законодательстве - это предназначение норм об исковой давности, под которой Гражданский кодекс Российской Федерации понимает срок для защиты права по иску лица, чье право нарушено (статья 195).

Институт исковой давности имеет целью упорядочить гражданский оборот, создать определенность и устойчивость правовых связей, дисциплинировать их участников, способствовать соблюдению договоров, обеспечить своевременную защиту прав и интересов субъектов гражданских правоотношений, поскольку отсутствие разумных временных ограничений для принудительной защиты нарушенных гражданских прав приводило бы к ущемлению охраняемых законом прав и интересов ответчиков и третьих лиц, которые не всегда могли бы заранее учесть необходимость собирания и сохранения значимых для рассмотрения дела сведений и фактов; применение судом по заявлению стороны в споре исковой давности защищает участников гражданского оборота от необоснованных притязаний и одновременно побуждает их своевременно заботиться об осуществлении и защите своих прав.

Вместе с тем, по смыслу статей 8, 34 (часть 1), 35 (часть 1) и 71 (пункты "ж", "о") Конституции Российской Федерации, федеральный законодатель уполномочен и на введение изъятий из общего правила о применении исковой давности, если

давности в зависимости от целей правового регулирования и производить их дифференциацию при наличии к тому объективных и разумных оснований, но и определять порядок их течения во времени, момент начала и окончания, с тем чтобы обеспечить реальную возможность исковой защиты права, стабильность, определенность и предсказуемость правового статуса субъектов гражданских правоотношений.

Исходя из этого установление и регулирование федеральным законодателем сроков для обращения в суд, включая их изменение и отмену, не может рассматриваться как нарушение права на судебную защиту.

3. Согласно Гражданскому кодексу Российской Федерации общий срок исковой давности составляет три года со дня, определяемого в соответствии со статьей 200 данного Кодекса (пункт 1 статьи 196). Начало течения срока исковой давности данный Кодекс связывает с моментом, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права (пункт 1 статьи 200). Применительно же к отдельным видам требований Гражданским кодексом Российской Федерации и другими законами могут устанавливаться иные правила о начале течения срока исковой давности. Так, по обязательствам, срок исполнения которых не определен или определен моментом востребования, срок исковой давности начинает течь со дня предъявления кредитором требования об исполнении обязательства, а если должнику предоставляется срок для исполнения такого требования, исчисление срока исковой давности начинается по окончании срока, предоставляемого для исполнения такого требования, при этом срок исковой давности во всяком случае не может превышать десять лет со дня возникновения обязательства (абзац второй пункта 2 статьи 200 ГК Российской Федерации). Абзац второй пункта 2 статьи 200 ГК Российской Федерации в ранее действовавшей редакции связывал начало течения срока исковой давности по обязательствам, срок исполнения которых не определен или определен моментом востребования, с возникновением у кредитора права предъявить требование об исполнении обязательства и не устанавливал при этом каких-либо сроков, исчисляемых со дня возникновения обязательства.

Федеральный закон "О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации", которым, среди прочего, были внесены изменения в абзац второй пункта 2 статьи 200 ГК Российской Федерации (пункт 40 статьи 1), вступил в силу с 1 сентября 2013 года; его переходными положениями предусмотрено, что новые сроки исковой давности и правила их исчисления применяются к требованиям, сроки предъявления которых были предусмотрены ранее действовавшим законодательством и не истекли до указанной даты (часть 9 статьи 3). Данный Федеральный закон был официально опубликован на "Официальном интернет-портале правовой информации" (www.pravo.gov.ru) 8 мая 2013 года.

3.1. Заявитель по настоящему делу - гражданин Е.В.Потоцкий, как следует из представленных в Конституционный Суд Российской Федерации материалов, 15 июля 2013 года заказным письмом с уведомлением направил должнику требование о возврате долга в течение тридцати дней (до 15 августа 2013 года). Это требование должником исполнено не было. Спустя еще один месяц, 18 сентября 2013 года, Е.В.Потоцкий обратился в суд с требованиями о взыскании основного долга и процентов по договорам займа, а также процентов за пользование чужими денежными средствами и судебных издержек. Однако к этому времени, а именно 1 сентября 2013 года, Федеральный закон "О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации" уже вступил в силу, что позволило судам отказать в удовлетворении заявленных требований со ссылкой на новый порядок исчисления сроков исковой давности по ним, предусмотренный введенной данным Федеральным законом редакцией абзаца второго пункта 2 статьи 200 ГК Российской Федерации, - несмотря на то что ограничение судебной защиты нарушенных прав (не позднее десяти лет со дня возникновения обязательства) на момент возникновения договорных обязательств в 2000 году законодательством не предусматривалось.

В результате Е.В.Потоцкий, будучи кредитором по обязательствам, возникшим до вступления в силу Федерального закона "О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации", срок исполнения которых был определен моментом востребования, и действуя - исходя из установленной в пункте 5 статьи 10 ГК Российской Федерации презумпции - разумно и добросовестно (иное не было установлено судами при рассмотрении дела с его участием), лишился возможности защитить свои права в судебном порядке, поскольку фактически новым нормам была придана обратная сила.

Между тем согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации придание обратной силы закону - исключительный тип его действия во времени, использование которого относится к прерогативе законодателя; при этом либо в тексте закона содержится специальное указание о таком действии во времени, либо в правовом акте о порядке вступления закона в силу имеется подобная норма; законодатель, реализуя свое исключительное право на придание закону обратной силы, учитывает специфику регулируемых правом общественных отношений; обратная сила закона применяется преимущественно в отношениях, которые возникают между индивидом и государством в целом, и делается это в интересах индивида (уголовное законодательство, пенсионное законодательство); в отношениях, субъектами которых выступают физические и юридические лица, обратная сила не применяется, ибо интересы одной стороны правоотношения не могут быть принесены в жертву интересам другой, не нарушившей закон (Решение от 1 октября 1993 года N 81-р; определения от 25 января 2007 года N 37-О-О, от 15 апреля 2008 года N 262-О-О, от 20 ноября 2008 года N 745-О-О, от 16 июля 2009 года N 691-О-О, от 23 апреля 2015 года N 821-О и др.).

Развивая приведенную правовую позицию, Конституционный Суд Российской Федерации указывал, что преобразование отношений в той или иной сфере жизнедеятельности не может осуществляться вопреки нашедшему отражение в статье 4 ГК Российской Федерации общему (основному) принципу действия закона во времени, который имеет целью обеспечение правовой определенности и стабильности законодательного регулирования в России как правовом государстве (статья 1, часть 1, Конституции Российской Федерации) и означает, что действие закона распространяется на отношения, права и обязанности, возникшие после введения его в действие; только законодатель вправе распространить новые нормы на факты и порожденные ими правовые последствия, возникшие до введения соответствующих норм в действие, т.е. придать закону обратную силу (ретроактивность), либо, напротив, допустить в определенных случаях возможность применения утративших силу норм (ультраактивность) (Постановление от 22 апреля 2014 года N 12-П; определения от 18 января 2005 года N 7-О, от 29 января 2015 года N 211-О и др.).

Данный подход обусловлен необходимостью достижения соразмерности при соблюдении интересов общества и условий защиты основных прав личности, т.е. баланса конституционно защищаемых ценностей, а потому вопрос придания обратной силы закону, изменяющему обязательства юридически равных участников гражданского правоотношения, требует дифференцированного подхода, обеспечивающего сбалансированность и справедливость соответствующего правового регулирования, не допускающего ущемления уже гарантированных прав и законных интересов одной стороны и умаления возможностей их защиты в пользу другой (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2015 года N 1539-О).

В силу приведенных правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации введение федеральным законодателем правила о том, что сроки исковой давности по обязательствам, сроки исполнения которых не определены или определены моментом востребования, применяются к требованиям, сроки предъявления которых не истекли до 1 сентября 2013 года, нарушает конституционные предписания, поскольку лишает участников гражданского оборота, которые состоят друг с другом в длительных (более десяти лет) договорных обязательственных правоотношениях, права на судебную защиту.

3.2. Рассматриваемое правовое регулирование не согласуется также с выводом Конституционного Суда Российской Федерации о том, что внесение изменений в действующее правовое регулирование, оказывающих неблагоприятное воздействие на правовое положение граждан, должно сопровождаться соблюдением принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, который предполагает сохранение разумной стабильности правового регулирования и недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм, а также в случае необходимости - предоставление гражданам возможности в течение некоторого переходного периода адаптироваться к вносимым изменениям (Постановление от 24 мая 2001 года N 8-П). С учетом даты официального опубликования Федерального закона "О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации" федеральный законодатель предоставил участникам соответствующих гражданских правоотношений, в том числе правоотношений, возникших задолго до введения нового регулирования, менее четырех месяцев для адаптации к изменившимся нормативным условиям защиты нарушенного права.

Данный срок не может расцениваться как достаточный по своей продолжительности переходный период для адаптации к новым правилам и реализации - до введения в действие нового регулирования - кредитором своих прав с учетом требований гражданского законодательства, а также условий, касающихся исполнения обязательства, которые могли быть предусмотрены в законе или договоре. Так, согласно абзацу второму пункта 1 статьи 810 ГК Российской Федерации в случаях, когда срок возврата договором не установлен или определен моментом востребования, сумма займа должна быть возвращена заемщиком в течение тридцати дней со дня предъявления займодавцем требования об этом, если иное не предусмотрено договором. Кроме того, договором может быть предусмотрен также достаточно длительный срок, по истечении которого должник, получивший требование кредитора об исполнении, должен такое исполнение произвести. Только после предъявления требований к должнику и неисполнения им обязательства право кредитора оказывается нарушенным, а соответственно, в его распоряжении остается еще менее продолжительный срок, в течение которого он должен обратиться в суд в установленном порядке за защитой нарушенного права, до вступления в силу нового правового регулирования, притом что общий срок исковой давности, который предоставляется кредитору для защиты его нарушенного права, составляет три года.

В результате распространения действия нового порядка определения начала течения срока исковой давности по обязательствам, срок исполнения которых не определен или определен моментом востребования, на правоотношения, возникшие до принятия Федерального закона "О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации", кредитор, предъявивший к должнику через два месяца после опубликования данного Федерального закона требования об исполнении существовавших между сторонами более десяти лет обязательств, срок исполнения которых определен моментом востребования, при наличии соответствующего заявления стороны спора не имеет возможности защитить в судебном порядке свои нарушенные права.

4. Таким образом, положения части 9 статьи 3 Федерального закона "О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации", на основании которых норма абзаца второго пункта 2 статьи 200 ГК Российской Федерации о том, что срок исковой давности не может превышать десяти лет со дня возникновения обязательства, срок исполнения которого не определен или определен моментом востребования, подлежит применению к требованиям, сроки предъявления которых были предусмотрены ранее действовавшим законодательством и не истекли до 1 сентября 2013 года, не соответствуют Конституции Российской Федерации, ее статьям 1 (часть 1), 17 (части 1 и 3), 34 (часть 1), 35 (часть 1), 46 (часть 1) и 55 (часть 3), а следовательно, эти законоположения не могут

рассматриваться в качестве основания для применения данной нормы абзаца второго пункта 2 статьи 200 ГК Российской Федерации к указанным требованиям.

Сказанное не исключает право федерального законодателя внести коррективы в переходные положения Федерального закона "О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации", установив - с учетом даты вступления в силу настоящего Постановления - разумный срок, в течение которого исковая давность не считается истекшей и кредитор по обязательствам, срок исполнения которых не определен или определен моментом востребования, в случаях, когда на момент вступления в силу абзаца второго пункта 2 статьи 200 ГК Российской Федерации в новой редакции установленный им десятилетний срок для защиты нарушенного права истек, может, в частности, предъявив требования об исполнении обязательства в судебном порядке, рассчитывать на получение эффективной судебной защиты.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 47-1, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л:

1. Признать часть 9 статьи 3 Федерального закона "О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации" не соответствующей Конституции Российской Федерации, ее статьям 1 (часть 1), 17 (части 1 и 3), 34 (часть 1), 35 (часть 1), 46 (часть 1) и 55 (часть 3), в той мере, в какой на ее основании решается вопрос о применении к требованиям, сроки предъявления которых были предусмотрены ранее действовавшим законодательством и не истекли до 1 сентября 2013 года, положения абзаца второго пункта 2 статьи 200 ГК Российской Федерации о том, что срок исковой давности не может превышать десяти лет со дня возникновения обязательств, срок исполнения которых не определен или определен моментом востребования.
2. Дело гражданина Потоцкого Евгения Вячеславовича, разрешенное на основании признанных не соответствующими Конституции Российской Федерации положений части 9 статьи 3 Федерального закона "О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации", подлежит пересмотру в установленном порядке, если для этого нет других препятствий.
3. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.
4. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в "Российской газете", "Собрании законодательства Российской Федерации" и на "Официальном интернет-портале правовой информации" (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в "Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации".

Конституционный Суд
Российской Федерации

№ 3-П